Мархолиа Р.

12/II-91г.

● *Он явился как подарок судьбы. Привел с собой шумную, веселую компанию — общество отрицания уродства (ООУ), устроил ревизию: это у вас смуры? К черту! Депрессии? К дьяволу! Тоска? На свалку! И такую икебану свил на сцене из травы любви лавидж — я ахнула и воскресла. Красивый, ароматный, легкий, мастерский спектакль Романа Мархолиа «Лавидж» лег на вечно пыльную сцену козырной радостной бубной. Хоть я и чрезвычайно аполитичный элемент, но в это ООУ с удовольствием платила бы членские взносы, выполняя свой гражданский долг и отрицая уродство вместе с Романом Мархолиа и труппой Севастопольского драматического театра имени А. Луначарского.*

Комсомольское знамя. — Киев. — 1991. — 12 февр

Роман МАРХОЛИА: «ВОДОЛЕЙ ВЕДЕТ НАС К РЕНЕССАНСУ»

Всего два спектакля — «Лавидж» Питера Шеффера и «Ложные признания» Мариво — по милостивому приглашению театра «Дружба» показали севастопольцы на сцене Киевского академического драматического театра имени Леси Украинки. Спектакли высокого уровня, профессиональные, богатые, с париками и костюмами, с роскошными мизансценами, обнаруживающие тонкий эстетический вкус и раскованную фантазию постановщика.

Сцена, на которую приземляются спектакли Мархолиа, моментально превращается в кусок Космоса. Мы, чувствующие себя уютно в хилых параллелепипедах спален и узких пеналах кухонь, захлебываемся в этой бездне пространства и шепчем: «Черт возьми!», спуская с привязи взгляды, не привыкшие к таким дистанциям. Как чувствуют себя в них актеры? О, они движутся, как система координат очень красивой фигуры! И заполняют пространство аппликациями монологов и диалогов, и держат паузы — длинные, как шлейф королевского платья.

Говорят, в музыкальной столице мира Вене военные отдают честь, когда при них произносят имена Моцарта и Брамса. Когда я слышала имя Питера Шеффера, мне хотелось по-пионерски салютовать, и в этом жесте можно было бы угадать уважительное почтение. Мархолиа так крепко «замутил» колдовскую травку на основе театрального по форме и психологического по содержанию Шеффера, что за два часа я успела полюбить обоих. На одной исторической лестнице драматург и режиссер свели двух женщин, два мира: театрально-фантазерский, который щедро, иногда с перехлестами, явила нам севастопольская Джульетта Мазина — Ольга Разумовская, и практически-прагматический в прекрасном исполнении Натальи Белослудцевой. И как в хороших сказках добро побеждает зло, так и в «Лавидже» мир театра с победным кличем и визгом торжествует над прагматиками и вербует их на роли палачей и жертв.

Да, театр есть театр, а актер есть актер. Каждый в душе Гамлет и Мария Стюарт.

Роман Мархолиа молод. А для должности главного режиссера, в которую он вступил год назад, он просто юн. В тридцать лет свой, настоящий театр имеет далеко не всякий. Точно так же, как и сформировавшийся стиль и личный, авторский почерк. Роман независим в суждениях, как и подобает цельной личности, и вместе с тем он человек сомневающийся, как подобает интеллигенту. А еще, наверное, потому, что через сомнения лежит путь к истине. Мархолиа обладает редким на сегодня даром понимать и чувствовать красоту. Чувство красоты он щедро расточает и наделяет им всякого, кто пожелает посетить его спектакли. И если судьба вам будет дарить такую возможность — желайте ее.

Для главной роли обязательно пишется хороший монолог. Оставаясь пажем жанра, предоставлю возможность произнести такой монолог главному режиссеру Севастопольского театра имени Луначарского Роману Мархолиа:

— Когда злюсь, я становлюсь хуже. Завожусь — и вся энергия уходит в ерунду. Подступает какой-то бес и искушает. Поддаться ему — это тоже путь, и я знаю людей, которые по нему идут. Но я этого боюсь, как боятся смерти и старения.

Есть люди, призванные преобразовать общество, расположенные заниматься политикой. А все остальные должны заниматься своим делом. Просто надо понять, что тебе предначертано. У нас же сейчас какой-то массовый психоз. Все свои неудачи, недовольства, неудовлетворенности люди перекладывают на политические проблемы. Получается, что «я злюсь на Ельцина, потому что у меня понос». Опять обман и самообман. Квалифицированно заниматься своим делом труднее, чем гореть в огне политстрастей.

Часто передо мной встает вопрос: то, что я немножко занимаюсь руководством, мешает мне, меняет меня? Я, конечно, другой, по-другому мыслю, по-другому живу. Но вынужден выполнять какие-то административные функции. Мы существуем в чудовищном мире, когда необходимо защищать то, что делаешь. Это пагубный путь. Можно незаметно стать сволочью.

Я живу минутой. Ничего не программируя. Просто хочу, чтобы тот день, который наступил, приносил мне радость. Если бы мне удавалось до конца «ловить миг» — это было бы замечательно.

Когда я работал во Львове, то во многом свои силы черпал в противостоянии. Опорой для меня, как это ни странно, было общество. Теперь сложнее. Я уже понял, что это конфликт не позитивный, неправда все это. Тогда была нисходящая линия. Сейчас в искусстве вообще начинают просматриваться восходящие линии. Их очень мало, крайне мало. Но именно они приведут к Ренессансу. А то, что он наступит, — это точно. Эра Водолея возьмет свое.

Мне все-таки верится, что мы придем к той общности, в которой все лучшее, заложенное в человеке, должно реализоваться. Недаром нашей стране пришлось перетерпеть столько тягот. Тут бесчисленные страдания накопили гигантский потенциал энергии, которая просто по «законам физики» не может уйти в песок. Нас сделали полигоном для слишком многих экспериментов. И сейчас мы в жуткой дыре. Но все-таки именно из этой «дыры» поднимется росток Ренессанса. Может, сегодня так говорить смешно и наивно, но, мне кажется, в это надо верить, иначе зачем мы все терпим?

Стабильная демократия, сходу засеянная на «целине», не дает высоких результатов духовного развития. Пример Америки здесь показателен. При невероятном техническом прогрессе достаточно средний уровень чисто американской культуры. Все лучшее экспортировано из Европы, пережившей целую серию войн и систему монархий.

Человечество прожило век технического прогресса, век противостояния в политике, а единственно возможный и достойный способ существования человека — это духовное государство. Боюсь запутаться в формулировках, но мне так кажется.

С одной стороны, Севастополь, который сейчас прочно вошел в мою жизнь, — советская провинция. С другой — он интересен тем, что заложен как город не торговый, а имперский. Как Ленинград. Это были города, созданные для защиты Отечества. Они и сейчас достаточно чисты по мысли, в них нет торгашеского распада. У Севастополя есть символ города, есть ощущение неразменности. Чувства крепкие, мощные, сильные.

И архитектура, и героическое прошлое очень многое диктуют. В этом смысле такой город, как Севастополь, может повлиять на формирование души — он имеет корни. И если их чувствуешь, то это тоже может быть некоторой опорой.

С тех пор, как я стал главным режиссером, выпустил Мариво и Шеффера, удалось сделать репертуарную политику театра достаточно самостоятельной. В битве с пожарниками мы отстояли «Чайку» в постановке А. Фурманчука, съездили с ней в Ялту на чеховские дни. Там несколько работ были отмечены как лучшие. Сейчас работаю над мюзиклом «Тряпичная кукла».

Вот ты спросила о сплошной «зарубежной» афише. Меня это иногда очень гложет. Постоянно думаю о том, что надо бы что-то русское. И у меня такое ощущение, что театр вряд ли сможет крепко стать на ноги, если не найдет опору в драматурге своего Отечества. Хотя есть пример Таирова и его Камерного театра, и это был театр европейского уровня.

Я все стремлюсь подойти к пьесам Алексея Шипенко. Мне нравится этот драматург. Очень. Он обаятельный, театральный, достаточно конфликтный. Но мне иногда кажется, может, я не прав, что он не очень близок тому окружению зрителей, для которого мы работаем. Он несколько столичный автор. Хотя в глубине души я не верю, что есть авторы столичные и провинциальные.

Наверное, в таких именах в нашей афише, как Уайльд, Уильямс, Дюрренматт, выражается тоска по «большому стилю». Мне не нравится авангард. А этим грешит сейчас Шипенко. Он наполовину прорывается к позитивному моменту, на мой взгляд, а кое-где интересничает. И вот я, к сожалению, ровно на половину и останавливаюсь в материале. Но Шипенко, единственный из всего театрального мира, мне сейчас интересен.

Мне вообще кажется, что сейчас время Островского, Лермонтова, Шекспира. Честно говоря, я думаю о «Маскараде». Возвращается время тех спектаклей, книг, фильмов, которые подтолкнут нас на путь эры Водолея, эры воскресшего духа.

В. СЕРИКОВА.

● **P. S. Кстати, сам Роман Мархолиа по гороскопу — Водолей. На днях ему исполнилось тридцать лет — возраст пика творчества. Роман! «КоЗа» желает конкретно твоему Водолею расширить зону локального Ренессанса в автономном Севастополе хотя бы до границ суверенной Украины.**

На снимках: сцены из спектакля «Ложные признания»; **Роман Мархолиа.**

Фото **В. Давиденко** и **А. Хитрова.**